

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ

ПОСЛЕ

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Юдина*

Круз, Андрей.

К84 После : [фантастический роман] / Андрей Круз. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-699-98120-5

1999 год, пятнадцать лет прошло с тех пор, как мир разрушила ядерная война. От страны остались лишь осколки, все крупные города и промышленные центры лежат в развалинах. Остатки центральной власти не в силах поддерживать порядок на огромной территории. Теперь это личное дело тех, кто выжил. Но выживали все по-разному. Кто-то объединялся с другими, а кто-то за счет других, превратившись в опасных хищников, хуже всех тех, кого знали раньше. И есть люди, посвятившие себя борьбе с такими. Они готовы идти до конца, чтобы у человечества появился шанс построить мирную жизнь заново.

Итак, место действия — СССР, Калининская область. Личность — Сергей Бережных. Профессия — сотрудник милиции. Семейное положение — жена и сын убиты. Оружие — от пистолета до бэтэера. Цель — месть. Миссия — уничтожение зла в человеческом обличье.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98120-5

© Круз А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие

Я не хотел писать предисловие, чуть раскрывая сюжет, но выложенная в открытый доступ часть текста вызвала так много споров, что я все же вынужден предварить книгу этим коротким текстом.

Действие в романе происходит через пятнадцать лет после ядерной войны. Не тотальной войны, стороны не выпустили друг в друга весь арсенал, но все же того, что вылетело, хватило для почти полного разрушения инфраструктуры и, как следствие, нанесения чудовищных потерь. Однако в этой книге не будет ни навечно зараженной земли, ни двухголовых мутантов и «чудовищ ядерных пустошей», а также злодеев в шипах и коже в стиле «Безумного Макса» или игры «Фоллаут». Почему? Да просто потому, что хоть эта книга и фантастика, но все же не настолько.

Наиболее наглядным примером местности после ядерных ударов является полигон на Новой Земле, где было произведено за довольно короткий отрезок времени множество ядерных взрывов, включая наземные и огромной мощности. В результате зоны долгосрочного заражения местности изотопами с длительным периодом полураспада заняли не больше шести квадратных километров, в районе четырех наземных взрывов. На всей остальной территории

полигона даже в разгар периода испытаний радиационный фон был в рамках допустимого. Шлейф растянулся на тысячи километров, но в результате этого концентрация радиоактивных осадков была настолько низка, что в местах их выпадения фон также не превысил допустимый.

Чернобыль? Чернобыль выбросил в тысячи раз больше радиоактивного дерьма, чем любой ядерный взрыв. При взрыве используется куда меньше материала, и он банально сгорает. Во время же аварии на АЭС по факту «сорвало крышку с кастрюли» и механически разбросало содержимое. То есть моделью ядерной войны чернобыльская зона или та же Фукусима никак служить не может, они модели аварии на реакторе и ничего больше.

Зато она начисто опровергает другой миф — о мутантах. На территории зоны живут самые обычные животные, и вообще, в силу закрытости, там полный расцвет флоры и фауны. Мутации в подавляющем большинстве случаев ведут к смерти мутанта, это уродство, а не усовершенствование. Те самые первые безглазые рыбы в Припяти вымерли еще в первый год, больше их никто не видел.

Вечная ядерная зима? Тоже не получается. Накопление углекислоты и выбросы сажи приведут к потеплению после не слишком долгого холодного периода. Климат станет более влажным, немного теплей, чем раньше, вот и все. Так что постъядерный мир будет просто миром разрушенным, не более. Остальные подробности в тексте.

В кузове трясло, громыхали дощатые борта, мелкий дождь барабанил по брезентовому протекающему тенту. От мешков с картошкой, лежавших навалом впереди, пахло землей и сыростью. Дорога долгая, ехали уже пятый час, поэтому тянуло в сон, но уснуть тоже не получится из-за болтанки. Да и не стоит спать, потому что со мной в кузове еще четверо попутчиков, и никого из них я не знаю. Поосторожней лучше быть. Метрах в двадцати за нами еще машина, «зиллок» с голубой кабиной и когда-то белой, но теперь грязной и покрытой пятнами ржавчины решеткой. Время от времени было слышно, как вздыхают его пневматические тормоза. За нами оставалась полоса разбитого шоссе, сейчас больше состоящая из ям и колдобин, чем из остатков асфальта. За «зилком» еще машина, такой же «газон», как и у нас, с кабиной, грубо выкрашенной кистью в серый цвет, и треснутым лобовым стеклом.

— Слышь, друг, курить не дашь? — в очередной уже раз просил меня сосед, худосочный мужик лет под сорок, одетый в брезентовую штормовку поверх свитера.

Он то у меня стрельнет, то у других, так и едет. Правда, сам яблоками всех угостил. Хорошими ябло-

ками, зелеными и кисловатыми, какие как раз и люблю. Я вытащил из кармана куртки штампованный портсигар, протянул ему, откинув крышку. Тот худыми пальцами выудил оттуда папиросу, смял мундштук, щелкнул бензиновой зажигалкой с крышкой.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Тут машину тряхнуло особенно сильно, так что я портсигар чуть не выронил. Пожалуй что и сам закурю. Сколько еще ехать? Я глянул на часы, прикинул — не меньше часа еще, но большая часть пути позади. «Стрелок», увидев, что я сам курить собрался, щелкнул зажигалкой, поднес огня, прикрыв его ладонью с татуировкой. Якорь у него там, может, даже служил на флоте до Этого Самого.

— Откуда ты сам? — спросил «матрос».

— Издалека, — не стал я излагать подробности. — Сам местный?

— Почти. Пять лет в Торжке.

— Чем занимаешься?

— Механик я. И всякое, — он неопределенно махнул рукой с папиросой. — Починить, поделатъ.

— А что из дома носило?

— Да так, закупились всяким. Наша машина впереди идет, тут просто сидеть удобней, на картошке-то, — он постучал по мешку, на который опирался. — Доедем уже скоро, вон на Золотиху поворот был уже. А к нам по делу?

— Да вроде бы. — Я затянулся, выпустил дым. — Остановиться-то есть где у вас?

— Гостиница есть. Можно комнату снять. Соседка у меня сдает, бывает. Знаешь город?

— Нет, откуда? Я в первый раз.

— На Белинского это, почти центр, считай. Надолго?

— Сам не знаю, как получится. Может, и надолго.

— Занимаешься чем по жизни?

— В охране работал, — приврал я на всякий случай. — Теперь все, больше не работаю.

— Новое место ищешь или что?

— Почти что. Там видно будет.

— У меня зять в охране обозов работал, — вступила в разговор грузная тетка, сидевшая у противоположного борта. — Убили три года назад. Тут как раз, у Лихославля.

Сидевший рядом с ней мелкий мужичок с заросшей длинной щетиной физиономией кивнул, не сказав ни слова. Точно муж с женой.

— Бандитов у вас много тут?

— Да кто их знает? Бандитствуют. Всякой сволочи хватает.

— Но в городе тихо, — добавил «матрос». — И рядом. Нормально у нас.

Разговор как-то сам по себе увял. Всех уже растрясло, все устали от долгой дороги. Колонна продолжала вилять между ям, расплескивая грязную воду из-под колес, громыхали борта кузовов. Серое небо, серый дождь, зеленый лиственный лес по сторонам дороги.

Папироса докурилась до мундштука, я выбросил ее за борт, в грязь. Как ни ворочаюсь на сложенной плащ-палатке, а все равно задницу отсидел давно. И так сядешь, и эдак, и ногу под себя подложишь, но доски и есть доски, мягкости в них никакой. И это если бы я так первый день ехал, а ведь уже неделю мыкаюсь. Доедешь докуда-то, а там очередного обоза или попутки ждешь. Но просто попутки случайных

людей брать не любят. И в кузовах ехал, и на телегах, и даже раз под дождем на прицепе-платформе катил. И вот доехал вроде бы. Почти.

Оперся на левую руку, меняя положение, в плечо отдало болью. Новая напасть, в последний год началась. Болит плечо, несильно, но тупо и постоянно, немеет сама рука. Назад ее завести уже не получается, даже чтобы себе спину почесать. Спрашивал у врача, что это такое, тот плечами пожал, сунул какую-то мазь. Даже не знаю, действует мазь или нет, да и заканчивается уже. Пробую разминать каждый день, но опять не знаю, помогает или нет. Старею. Была бы жизнь получше, может, и старел бы не так быстро, но «получше» уже нет. Не про нас это самое «получше». С Этого Самого осталось только «похуже» и «совсем никуда».

Лес сменился ржаными полями, навстречу прошла пара грузовиков, а потом, переваливаясь по кочкам, прокатил обшарпанный «Москвич». Ближе к Торжку уже, похоже. Пару деревень проехали, пустых и разоренных. Почти не живут люди в деревнях теперь, к городам жмутся, безопасней в них. Разве совсем в глуши, где и городов близко нет и куда всякой сволочи специально забираться лень. Мы вот тоже городком жили, а вокруг пустота, леса да поля.

Слышно было, как машина во главе колонны забибикала. Увидел кого или подъехали? Из-под тента ни черта не видно вперед, так и разглядываю морду идущего следом «ЗИЛа». Подъехали, похоже, скорость скинули, машины сзади почти вплотную подтянулись. Шофер «зилка», молодой парень в серой спецовке, перехватив мой взгляд, большой палец по-

казал. Ну да, ему радость, работа опасная, а теперь он на месте и отдых впереди.

Вот наш «газон» чуть трягнуло, проехали блок, затем справа показались кирпичные пятиэтажки нежилого вида, разве что на крыше одной разглядел мешки с землей и наблюдателей под навесом. Тут нас остановили, в голове колонны послышались голоса, а затем кто-то загорланил в мегафон, обращаясь уже ко всем, да так, что ни слова не понятно. Но «матрос» сказал:

— Проверка сейчас будет. От автомата, если есть, магазин отстегнуть и патрон из ствола, только так в городе и носить. Если пистолет есть, то тоже разряди.

Сам он сноровисто откинул щелкнувший пружинной магазин своего «СКС», высыпал патроны в ладонь, выбросил тот, что в стволе, а потом, выгачив из кармана обойму, взялся этими патронами ее заполнять. Ну что, у нас такие же правила, так что и удивляться нечему. Я отстегнул от автомата магазин, выбросил патрон из патронника, убрал все в подсумок. Полез под куртку, выгачил из оперативки «ТТ», разрядил. А потом из внутреннего кармана достал документы, завернутые в потрепанный полиэтиленовый пакет, приготовил к проверке.

Минут через десять проверка подошла к нашему «газончику». По званиям и не поймешь кто, все в караульных плащах от дождя, какой-то командир — мужик средних лет с усами щеткой, с ним двое бойцов с автоматами, помоложе оба. Заглянули в кузов, потом старший сказал:

— Сначала местные, потом приезжие. Документы готовим, пожалуйста.

Кроме меня все местными оказались, «матрос» так еще и поздоровался со старшим патруля. Их проверили быстро, потом до меня очередь дошла. Усатый взял паспорт, покрутил в руках зачем-то, затем открыл.

— Бережных Сергей Павлович... Грязовец... Вологодской области. Издалека к нам, — он даже хмыкнул удивленно. — С какой целью?

— Транзит скорее. Дальше попутки искать буду.

Раз я проездом, то и любопытства немного. А я пока и сам не знаю. Усатый вернул мне паспорт, затем сказал:

— Оружие есть? В городской черте носить без магазина и патрона в стволе.

— Просветили уже, спасибо.

— Да на здоровье. На КПП еще запишитесь и дозиметристов пройдите. Лучше сейчас вперед идите, как раз успеете, куда машины проверяют. Все, пошли дальше, — скомандовал он своим.

Везде одно и то же, так что даже подсказывать не нужно. «Матрос», видя, что я собираюсь лезть за рюкзаком, сказал, сидя на краю борта:

— Тут оставь, никто уже не сопрет. После КПП снова приглядывай. — Он усмехнулся. — Там опять подсядешь.

По-быстрому мой мешок обшарить любой запросто сможет, но, сам не знаю почему, сделал, как он сказал, махнул рукой, да и пошел вперед, к железным воротам, встроенным в стену ежей, и пристройке к ним из серого силикатного кирпича.

Прошел всю колонну, пять грузовиков, «Ниву», «уазик» и старенький БТР-40 охраны, возле которого курили и разминали ноги трое солдат.

У дверей собралась небольшая очередь из таких же приезжих — как я. Четверо, если точно, три мужика, явно одна компания, и довольно молодая, лет тридцати, женщина, худая, с короткой стрижкой и глубоким шрамом справа, рассекающим скулу сверху вниз, а на половине лица почти уже стершиеся следы старого ожога. Почему-то подумалось, что это *тогда* ее. Сколько ей *тогда* было? Лет пятнадцать?

Никто не разговаривал, двое курили, встав под грибок. В дверь, открывая ее изнутри, запускали по одному, только сначала боец проверял каждого на «свечение». Но дураки давно вымерли, а люди научились не лезть, куда не надо, так что все были в норме.

В будке КПП тоже все как обычно. Какая-то женщина в платке и ватнике взяла у меня паспорт, переписала данные в амбарную книгу, потом выписала временный пропуск.

— На выезде сдать надо, — пояснила она. — На неделю он, потом в комендатуру, если задержитесь.

— Понял, спасибо.

Я убрал квиточек из серой бумаги в пакет вместе с паспортом, а потом, аккуратно завернув, сунул все во внутренний карман куртки.

Снова ожидание в той же компании, но уже по другую сторону ворот. Машины пропускали быстро, разве что у «колуна», в котором, как оказалось, эти трое мужиков и ехали, задержались дольше — приездие. Но тоже пропустили, а следом и наш «газон».

— Залезай, на тот берег с нами доедешь, — позвал «матрос».

Я вскарабкался в кузов, покосился на свой рюкзак — не трогал его никто, похоже. Как промят моей спиной и в угол втиснут, так все и осталось.

— Так где тут ночлег найти можно?

— Я же сказал, соседка сдает. Нам разгрузиться надо, потом домой пойду, ты со мной можешь. По-знакомлю. Сашей меня зовут, если что. — Он протянул руку с якорем.

— Сергей. Будем знакомы.

Вскоре колонна тронулась снова. Опять пятиэтажки, на этот раз жилые. Из окон трубы буржук, стены закопчены, прямо у домов кучи угля. И городская жизнь уже видна, по грязным обочинам люди идут, телеги и машины едут. Почти все эти городки в средней полосе друг на друга похожи так, что и не отличишь. И жизнь везде одинаковая, ну, почти одинаковая. Вышний Волочек, что тут же, в Калининской области, он другой, такие тоже есть, но вот таких, как Торжок, все же большинство. Поездил, пришлось посмотреть. Сбиваются люди в уцелевшие места, огораживаются, принимают над собой власть, в надежде, что та их защитит и позволит выживать дальше хоть немного спокойней. И да, в основном получается. Я сам кусочек такой вот власти, пусть и отколотый уже, как щепка от бревна, поплывшая по течению куда несет.

— На Володарского едем, к самому рынку, — вдруг пояснил наш маршрут Саня. — У нас там гараж, ма-стрячим всякое. Если чё, можешь в гостиничку, у рынка есть, но там больше денег оставишь. В столовку сходи, пожуй чего-нибудь, а я подойду, и дви-нем дальше. Нормально так?

— Да нормально, — кивнул я. — Спасибо.

— Эти картошку везут, им как раз на базар. — Саша постучал по мешкам. — Дай еще папироску, а?

Я повернулся к рюкзаку, вытащил из кармана пачку папирос, протянул ему.

— Держи.

— Да я куплю, не вопрос, просто сейчас нет. Одну дай.

— Как хочешь. — Я полез за портсигаром.

Сначала где-то высадили тетку с мужем, что с нами ехали, затем и колонна начала разъезжаться в разные стороны, а бронетранспортер так и вовсе сразу за КПП в сторону свернул, тут охранять никого не надо. Только «сто тридцатый» ехал следом, в нем как раз весь товар Саши и его коллег и лежал. Там в кабине еще трое сидели. Потом мы свернули к каким-то воротам, и голос водителя «газона» ско-мандовал:

— Санек! И пассажир! Вылезай, мы приехали.

— Давай, выходим, нам чуть дальше.

«ЗИЛ» и вправду объехал нас, расплескав колеса широкою мутною лужу, и покатил дальше. Я выбрался, Саша поочередно подал мне рюкзак, который я сразу накинул на плечи, автомат, винтовочный чехол. Вот и все мое имущество, собственно говоря. Все, что от него осталось. Затем он и сам спрыгнул, с собой у него только рюкзачок небольшой да карабин. «Газон» сразу же фыркнул двигателем и поехал на рынок, в распахнутые дощатые ворота.

— Гля сюда, — Саша показал пальцем на двухэтажный барак из неизменного серого кирпича, на этот кирпич и похожий, — гостиничка это. А прямо за ней столовка. Там нормально, могут и налить, если чего. А как разгрузимся, так я за тобой и зайду. Лады? — протянул он руку.

— Лады, Саш, спасибо.

Луж было немного, почва тут больше песчаная, так что потопал я по обочине дальше. У входа в гостини-